

Александр

Загрибелский

ПЕРЕВОД – ЭТО БРАК ПО ЛЮБВИ!

Многогранным аспектам развития художественной литературы в Казахстане был посвящен прошедший в конце сентября в Алматы II Международный форум писателей, переводчиков и издателей, проведенный казахстанским ПЕН-клубом. Выражая благодарность руководству ПЕН-клуба за приглашение на форум, хочу поделиться впечатлениями и выделить определенные моменты, показавшиеся мне наиболее важными для текущего литературного процесса в РК.

В работе форума приняли участие около сотни известных писателей, публицистов, переводчиков, литературных критиков и издатели из США, Франции, Германии, Англии, Турции, Китая, России, Марокко, Монголии, Казахстана и других стран. Среди иностранных гостей – известный переводчик Пушкина на английский британец Энтони Вуд, а также переводчики и писатели из Великобритании Саймон Гейган, Саймон Холлингсуорс и Ник Филдинг, молодая, но очень продуктивная переводчица из Германии Мария Райер, российский литературный критик Евгений Ермолин, писатель-фантаст Юсуф Элалами из Марокко, группа коллег из Китая во главе с руководителем Союза китайских писателей госпожой Бао Хунли и многие другие. С казахстанской стороны выступили такие корифеи мировой литературы, как Олжас Сулейменов и Анатолий Ким, именитые казахстанские писатели Улыкбек Есдаulet, Смагул Елубаев, Мурат Ауэзов, Раушан Буркибаева-Нукунова, Дулат Исабеков и, конечно же, основатель казахского ПЕН-клуба, классик отечественной литературы Абдижамил Нурпеисов.

Форум, прошедший под девизом «Открывая мир – открываясь миру. Проблемы художественного перевода и писательские контакты», безусловно, оставит значительный след в культурной жизни страны, особенно в долгосрочной перспективе. На нем были сформулированы несколько ключевых вопросов современного литературного процесса в Казахстане.

«Ни один казахский писатель, за исключением двух-трех, не вышел на мировой уровень за последние 28 лет, что, к сожалению, определяется наличием именно иноязычной версии произведения», – констатировал президент казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин. Олжас Сулейменов выразился, как всегда, «весомо, грубо, зримо», сказав, что казахская литература на протяжении 30 лет пребывала в состоянии сна. Вопрос, как говорится, был поставлен ребром, и собравшиеся пытались искать пути его решения.

Разговор наметился конкретный, содержательный и достаточно жесткий. На первом пленарном заседании форума была упомянута давняя скандальная история с фильмом «Борат» Саши Барона Коэна. Обращенный к Казахстану комедийный фарс, как ни крути, и до сих пор аукается в кулуарах международных встреч, так или иначе затрагивая репутацию страны. Тем более что некоторые гости, впервые приехавшие в Казахстан, могли иметь представление о нем лишь на основе фильма. Данное обстоятельство не давало покоя все три дня. Но об этом чуть позже.

«Переводчики – почтовые лошади просвещения», – написал когда-то А. С. Пушкин. В эпоху компьютера можно сказать, что переводчики – полифункциональные драйверы образования и прогресса. Они остаются востребованными там, где бессильна машина, неплохо справляющаяся с формальными текстами юридических контрактов и технической документации, там, где в приоритете остается творческое вдохновение и желательна человеческая гениальность.

Еще в советские времена, учась в аспирантуре у замечательного литературоведа и переводчика, профессора Александра Лазаревича Жовтиса, я занимался теорией и практикой художественного перевода. В дальнейшем доводилось работать и в полевых условиях, и в кабинке синхрониста, участвовать в конкурсах литературных переводчиков.

Коснувшись немного переводческой кухни, могу с определенностью сказать, что, в отличие от технического, художественный перевод – это всегда искусство компромисса. Особенно в отношении поэзии. С одной стороны – неизбежные потери смыслов и стилистических качеств оригинала, с другой – произвол переводчика, желающего совладать с формой. Вдобавок каждый язык имеет свои специфические свойства и выразительно-изобразительные ресурсы.

Тот, кто работал в трёхязычном журнале или хотя бы держал в руках таковой, мог убедиться, что русский текст получается на треть, а казахский в полтора раза длиннее, чем английский, – закономерный результат взаимодействия систем аналитического, синтетического и агглютинативного языков. Отсутствие точных терминологических эквивалентов также уводит в сторону описательности и удлинения. Сложности возникают даже на самом формальном уровне, не говоря уже о семантических валентностях слов. Среднестатистическое длинное русское слово (3,5–5 слогов) по-своему сопротивляется переводам на английский, где слово короче (в среднем 1,5 слога). Ущербная рифма на одну конечную гласную, возможная по-русски только в пошлой поп-песенке, вполне закономерна и естественна в стихе английском, где смысловая плотность на звуковую единицу гораздо выше. Попытка передать эквириптию стиха, дыхание поэта в переводе на русский приводит ко всякого рода лакунам содержания или удлинению строки за счет дополнительных стоп. С казахским языком в переводах происходят аналогичные процессы. Образно говоря, «Лунную сонату» можно сыграть и на рояле, и на домбре. Эффект будет разный.

Исторически переводческая практика колебалась в диапазоне от вольного до буквального. И везде были свои приобретения и неизбежные потери.

Один из наиболее близких к содержанию оригинала перевод «Евгения Онегина» на английский В. Набокова – перевод нерифмованный. Вы можете себе представить нерифмованного «Онегина» на русском?

В качестве примера интересен опыт перевода на русский «Дон Жуана» Байрона. В 30-х годах прошлого века Георгий Шенгели перевел пятистопный ямб оригинала, утяжелив его за счет добавления двух слогов шестистопного ямба. Он старательно

воспроизвел все нюансы исходного текста, однако читать его перевод нынче рискнет разве что профессиональный филолог. А вот Татьяна Гнедич (праправнучатая племянница русского переводчика «Илиады» Н. Гнедича), находясь в тюрьме в период сталинских репрессий, перевела поэму по памяти изящным пятистопным ямбом. При неизбежных утратах деталей, перевод до сих пор считается непревзойденным и сохраняющим живой дух стиха Байрона. В этом отношении, несомненно, прав К. Чуковский, говоривший, что улыбку нужно переводить улыбкой.

Современный переводческий маятник, отказавшийся от былых амплитуд, колеблется вокруг принципа эквивалентности.

Нередко переводчик пытается создать эквивалентный рисунок стиха, стараясь воспроизвести не только смысл, но и дыхание оригинала в иноязычных звуках. По ходу банкета почти спонтанно возникла творческая лаборатория, когда прямо на наших глазах казахстанский писатель Адольф Арцишевский и британец Энтони Вуд попытались на слух проверить эмоциональный посыл и эквивалентность перевода на английский язык стихотворения Лермонтова «Парус». И, как мне показалось, А. Арцишевский оказался не вполне удовлетворен иноязычной версией.

Кстати, связь казахских писателей с международным литературным процессом слаба не только по причине отсутствия достойных переводов, но и от недостатка реализации комплексных проектов, доводящих переведенную книгу до адресного читателя. Форум был призван переломить ситуацию.

Притчей во языцех на форуме стал реализованный недавно Министерством культуры и спорта РК амбициозный проект перевода целого списка книг казахских авторов на шесть языков мира. В сжатые сроки проект осуществило Национальное бюро переводов, выигравшее тендер, предложив самую низкую цену. Можно только пожалеть переведенных авторов, а также затраченные средства. В довершение ко всему переведенные книги, как выясняется, в большинстве остались в Казахстане. Хотя кому они нужны здесь на языках дальнего зарубежья, трудно понять.

Случаются казусы на грани анекдота. «Пару лет назад мой роман “Одинокая юрта” перевели по государственной программе на испанский язык, – пожаловался Смагул Елубаев. – И потом выяснилось, что переводом занимался дилетант, не знающий языка. Я прошу руководителей таких программ, чтобы они работали с литературными агентами. Мировая практика сейчас такая».

На форуме широко обсуждались философия слова и логоса, стратегия и техника перевода, а также послепереводная судьба книги.

Участники форума услышали много волнующих историй об отношении писателей и переводчиков. Непосредственно из уст патриарха отечественной литературы Абдижамила Нурпеисова, которому в октябре исполнилось 95 лет, мы услышали животрепещущую, полную творческого драматизма историю о том, как из-за одной буквы, по его убеждению, влияющей на пластику звучания слова в переводе, он спорил с Герольдом Бельгером.

Классик остался доволен курсом, которым движется казахстанский ПЕН-клуб, и тем, как держит переданные им бразды правления нынешний президент – известный публицист, литературный критик, энергичный и успешный организатор Бигельды Габдуллин.

Тем не менее, оглядывая литературные отечественные горизонты, с естественной горечью отмечаешь отсутствие былого литературоведческого и критического потенциала, а также разрывы связей с российскими коллегами. И сами россий-

ские коллеги с сожалением говорили о том же: как в текучке собственных забот стало не до бывших братских литератур ближнего зарубежья. Каждый пытается барахтаться в своем болоте и выживать поодиночке.

Не без щемящей ностальгии вспоминалась мощная научно-теоретическая база на кафедре русской филологии КазПИ в лице профессоров А. Жовтиса и Л. Бельской. Несколько лет назад ушел из жизни работавший вместе с ними последний крупный представитель казахстанской литературоведческой школы Виктор Бадиков.

Не буду перечислять всех корифеев советского и мирового литературоведения, периодически приезжавших по приглашению кафедры, скажу лишь, что мне, тогда еще аспиранту, посчастливилось слушать лекции Юрия Лотмана и, что греха таить, читать ему свои стихи и переводы. На такой уровень казахстанское литературоведение больше не выходило никогда. А без него и без критической обратной связи литературный процесс полнокровно функционировать не может.

По роду работы мне приходилось бывать в организациях художников, общаться с ведущими музыкантами и руководителями национальных консерваторий и могу отметить, что недуг обособленной замкнутости не свойственен этим творческим союзам. Естественно, что картинам и музыке не требуются переводчики. Они говорят сами за себя. Писательская же среда оказалась более консервативной. И такая консервация внутри родного казахского языка во многом осложнила ситуацию.

Немаловажным был вопрос – что переводить? Насколько востребована современная казахская художественная литература в самом Казахстане? Во многом об этом сигналил небогатый выбор казахской книги на полках наших книжных магазинов.

Основные причины мне уже довелось обозначить в эссе «По гамбургерскому счету. О хлебе насущном на казахстанской литературной кухне», опубликованном в журнале «Знамя» № 2 за 2005 год (<http://znamlit.ru/publication.php?id=2592>). К сожалению, годы прошли – причины остались.

Когда Лев Толстой в начале семейного романа «Анна Каренина» написал: «Все смешалось в доме Облонских», он имел в виду также, что все смешалось в доме российской действительности, в судьбе героини отразилась вся страна. Утрируя, скажу, что в 1917 году Россия ушла под поезд.

Оглядываясь назад, казахским писателям можно еще долго выносить на суд истории голодомор, жертвы коллективизации и голощекинских репрессий, воспевать подвиги батыров и достижения кочевой цивилизации, однако только яркое, острое, разностороннее, убедительное, одним словом – талантливое и провидческое отображение действительности и будущего страны, расположенной на перекрестках цивилизаций, занимающей площадь целой Европы, но с населением всего в два Лондона, станет интересным зарубежному читателю.

Есть ли хоть один роман, отражающий нынешнюю социально-политическую проблематику, спектр горячих вопросов сквозь призму частной жизни современных героев? Поставлю вопрос шире, возможна ли была за последние 28 лет публикация такого произведения в Казахстане? Тем не менее сейчас, в наметившийся транзитный период, вероятность появления его, на мой взгляд, заметно возросла.

Трансконтинентальная трасса «Западный Китай – Западная Европа» с концепцией «Один пояс – один путь», ветра многовекторной политики Казахстана, смена парадигм образования и языковые метания в стране, нефтяная игла, экологические проблемы, информационные перегрузки, гендерная революция, мировоззренческие и религиозные коллизии, а для старшего поколения еще и крушение социально-нравственных ориентиров на переходе от социализма к рыночной экономике – все это, преломляясь через судьбы людей, создает реальный драматизм современности, порождает свои сюжеты и закручивает конфликты, ищущие разрешений в локальных и глобальных масштабах, где от проблем личных до мировых всего один шаг.

В этой связи любопытно мнение литературного критика из Москвы Евгения Ермолина: «Мне кажется, что в русской литературе самое главное уже позади. Имею в виду, что современному писателю сложно заинтересовать мир, учитывая то, что уже сделали великие авторы до нас. В Казахстане наоборот. Казахская литература малоизвестна даже в России, а не то чтобы в мире. Эту проблему нужно решать. Может, пришло время, когда нам в России следует обратить свой взор и внимательно вчитаться в то, что пишется в Казахстане».

Тем не менее большинство участников форума констатировали, что пока в новой казахстанской литературе ощущается дефицит ожидаемых произведений. Неслучайно поэтому иностранные переводчики и издатели, ориентируясь на проверенные временем классические литературные образцы, стремились заключить контракты на перевод текстов, выдержавших испытание временем.

В доме-музее М. Ауэзова по инициативе Светланы Ананьевой, заведующей отделом аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства имени Ауэзова, состоялось продолжение разговора, в котором приняли участие Анатолий Ким и Мурат Ауэзов.

Как переводчик эпопеи «Путь Абая», А. Ким (проживающий в Москве наш земляк, родившийся в Тюлькубасе) подчеркнул, что Абай одним из первых почувствовал начало распада векового, исконного кочевого быта и в своем творчестве старался подготовить свой народ к неизбежным переменам, смягчить удар грядущих тяжелых испытаний.

В конце 80-х я сидел у Кима на семинарах в Литинституте и, как земляк земляка, спросил: какие, с его точки зрения, вызовы ожидают современный, перешедший к оседлости Казахстан? Он, в частности, сказал, что один из самых серьезных вызовов – это устоять перед экспансией иностранной дешевой продукции на своем рынке, противопоставив ей нечто исконное не только в материальной, но и в сфере духовной. Он подчеркнул, что это будет трудно, что Россия смотрит в лицо тому же вызову. Даже с получением независимости и оформлением государственности есть опасность оказаться в той или иной лиге ведущих региональных стран-игроков. А они способны навязать свою игру.

На одном из круглых столов шло сопоставление издательских практик, бытующих в странах Европы, Америки, России и Казахстана. Для затравки разговора меня попросили рассказать, как складывалась моя скромная издательская практика.

В 1986 году я принес в государственное издательство «Жалын» подборку стихов для детей. Редакторы посмотрели, стихи понравились, и их решили опубликовать, выпустив книжку-картинку «Кошки-мышки» тиражом 100 тысяч

экземпляров. Гонорар мне выплатили 400 рублей (неплохой по тем временам). В реализации книжки я не принимал никакого участия. Система распространения была налажена отлично. В течение года книжка исчезла с прилавков магазинов. После распада Союза все изменилось, в планы госиздательств я попасть уже не мог и публиковался на средства спонсоров. Распространение книг также осталось полностью на мне.

В дальнейшем выступавшие отметили, что в казахстанской практике, по сравнению с западной, не развит институт литературного агента. Писателю приходится пробивать все самому, ходить и предлагать свои творения издателям, обсуждать гонорарные условия, вести переговоры с переводчиками, оформлять контракты и прочее, тратя много сил, времени и отрываясь от основного дела – писательства. Не обладая навыками и качествами профессионального литагента, хлопчущего о чужой книге, наш писатель оказывается беспомощным в условиях функционирования неразвитых отношений на книжном рынке. То, о чем сетовал С. Елубаев.

Профессия литагента – особый труд, требующий чутья на новое, понимания ожиданий общества. Тут необходим специфический нюх на социальный заказ, на актуальность в его содержательном и коммерческом смысле. Но у нас нигде таких спецов не готовят.

Крупный российский писатель, а ныне директор издательства «Метрополитен Классикс» (Нью-Йорк) Владимир Карцев, отметив, что такого уровня дискуссии и накала страстей он не припомнит ни на одной из международных встреч, сам поведал историю о том, как чутье подводит даже опытного профессионала.

Однажды ему предложили посмотреть рукопись неизвестной женщины-автора.

– О чем там? – спросил он.

– Про мальчишку-волшебника.

– Уже столько такого было, ерунда!

Даже не взглянув, Карцев отверг рукопись, и та ушла к другому издателю, – потом, как вы догадались, это оказался «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг.

* * *

С культурной программы в Центральный государственный музей РК и на вино-теку «Arba Wine» участники форума вернулись оживленные и довольные. Хозяева постарались показать закрома родины. Пережившие перестройку и горбачевский «сухой закон» подземные хранилища распахнули свои врата. Искушенные гости были приятно потрясены и делились впечатлениями.

В этот последний день, сидя в теплой приватной компании, я не удержался:

– Лет десять назад, работая переводчиком на буровой вышке с американцем-супервайзером, как раз в период шума от фильма «Борат», я спросил своего шефа «Слушай, Билл, ты видел “Бората”?» «Да», – отвечает. «Ты уже много лет работаешь в Казахстане, знаешь людей, вполне можешь сравнить и оценить. Что ты думаешь про это кино?» «Это вообще не про Казахстан, – ответил Билл, – это пародия на Америку и американцев. Поймал каких-то цыган и заставил плясать под свою дудку»... А вы что думаете после нескольких дней, проведенных здесь? – обратился я к присутствующим.

– Затеявая такое отчаянное вранье, Коэн рассчитывал на то, что казахский народ добрый, покладистый, гостеприимный и не будет подавать иск в международный

суд, – сказал Саймон Гейган (по признанию которого его русская жена в значительной мере способствовала росту его переводческого мастерства).

– Фильм не имеет ничего общего с казахской действительностью, – подтвердил изъездивший весь Алтай и Тянь-Шань Николас Филдинг, – снимался он в Румынии и адресован американцам.

Таково было твердое убеждение гостей форума.

Писатель – тоже «переводчик» действительности, чувств, событий, идей в слова языка. Он плавит и отливает словесную форму, а потом уже профессиональный переводчик трансформирует текст в материал другого языка. Именно потому в идеале художественный текст должен переводить как можно более талантливый писатель, знающий язык и чувствующий текст, как свой родной. Перевод художественного произведения – это не брак по расчету, это брак по любви!

Об этом и прежде не раз доводилось говорить с главным редактором «Простора» Кайратом Бакбергеновым, который давно уж вынашивает мечту, отодвинув текучку повседневности, полностью отдаться переводам великого казахского поэта Магжана Жумабаева. Лет десять назад на XI Фестивале языков народа Казахстана я впервые услышал его не только мастерские, но глубоко прочувствованные переводы. Уже тогда участники фестиваля настаивали на необходимости кардинальных реформ в переводческом деле страны.

По итогам форума утвердилось мнение, что ПЕН-клубу вместе с Союзом писателей РК необходимо создать координационный центр по отбору произведений и оценке качества переводов. Наладить отбор профессиональных переводчиков, знающих языки оригинала и перевода. И довести мнение участников форума до правительства Казахстана.

«Есть выражение: “Если тебя нет в английском языке – тебя нет в мире литературы”. Я решил, что нам пора задуматься о проблеме художественного перевода. Для меня важно не только проведение форума, а практическая его сторона – налаживание новых международных контактов», – сказал Бигельды Габдуллин.

Что ж, форум вполне справился со своими задачами, и будем надеяться, что постепенно, и благодаря деятельности ПЕН-клуба, международные связи налаживаются, и казахстанские писатели вольются в мировой литературный процесс.

Александр Загрибелный родился в 1954 году в г. Чимкенте. Окончил Алматинский институт иностранных языков и аспирантуру по теории художественного перевода. Как журналист, учился и работал в США и Великобритании. Многие годы был техническим переводчиком на нефтепромыслах Западного и Южного Казахстана. Из основных публикаций – книжки стихов для детей «Кошки-мышки» (1985), «Я водил рукою по бумаге», стихи и графика (2006), книга прозы – повести и рассказы «Помню, когда я еще не родился» (2014). Постоянный автор «Простора», также публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Нева». Член Союза литературных переводчиков, зам. главного редактора журнала «Современное образование».

